

УДК 94.355.24(470.631)''1947''

Э. Б. Джуккаева

«...СТАРИКИ КАК ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДЕЯТЕЛИ ... И РАВНОПРАВНЫЕ ЖЕНЩИНЫ-ГОРЯНКИ...»: АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТРУДОВОЙ МОБИЛИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ КАРАЧАЯ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ 1943 ГОДА

Целью данной статьи является анализ характера и уровня взаимоотношений государства и общества. Автор предпринимает попытку ответить на вопросы о том, почему властные структуры решили использовать гендерно-возрастной подход в работе с населением, тем самым апеллируя к архаичным пластам общественного сознания; почему властью были использованы методы работы, предполагающие архаичную дифференциацию населения.

Для достижения поставленной цели был сформирован комплекс архивных документов, выполнен анализ историографических материалов, разработана методологическая концепция исследования. Включив в методологический потенциал базисные принципы научного познания (историзм, объективность), автор использовал антропологическую теорию и теорию конструирования социальной реальности, обеспечив тем самым междисциплинарный подход.

Проанализировав отчетные документы об организации и проведении совещаний и собраний населения Карачая в 1943 г., автор охарактеризовал действия региональных властей с целью трудовой мобилизации населения региона для восстановления территориального хозяйства после немецкой оккупации региона. Партийные и советские функционеры адекватно оценивали реальное состояние карачаевского социума,

признавали сохранение его прежних социальных институтов и сознательно выбрали опору на архаичные традиции, поддержали архаичные универсалии для более эффективного манипулирования массовым сознанием ради трудовой мобилизации широких слоев населения в государственных интересах.

Сохранение значительной части институтов прежнего традиционного карачаевского общества и их роли в определении социального контекста повседневности карачаевцев объяснимо тем, что антропологический тип может сохраняться и воспроизводиться в течение еще двух-трех последующих поколений, прежде чем будет окончательно разрушен. Каждое предыдущее поколение способно перебросить свой опыт и следующее поколение воспроизводит этот опыт, выстраивая и реализуя свои жизненные стратегии. Хотя выбранные государством подходы и методы откровенно противоречили декларируемой идее формирования «нового» человека и результатам культурной революции, но в то же время сохранение традиционной культуры было обусловлено природой тоталитарной системы, сложившейся в течение первых после революционных десятилетий в стране.

Ключевые слова: государство, население, трудовая мобилизация, традиционные институты, тоталитаризм, культурная революция.

E. B. Dzhukkaeva

“... THE OLD MEN AS STATESMEN ... AND THE EMANCIPATED MOUNTAIN WOMAN ...”: THE ANALYSIS OF THE STATE LABOR MOBILIZATION FEATURES OF THE KARACHAI POPULATION IN THE EXTREME CONDITIONS OF 1943

The article aims to analyze the nature and the level of relations between the state and the society. The author attempts to answer the questions why the authorities decided to use the gender-age approach in working with the population, thereby appealing to the archaic layers of the public consciousness; why the authorities used the methods of the work that imply an archaic differentiation of the population.

To achieve the goal a complex of archival documents was formed, the analysis of historiographic materials was carried out; a methodological concept of research was developed. Having included the basic principles of scientific knowledge (historicism, objectivity) in the methodological potential, the author used the anthropological theory and the theory of the

constructing social reality, thereby ensuring the interdisciplinary approach.

Having analyzed the reporting documents of the organization and the conduct of the meetings of the Karachai population in 1943, the author described the actions of regional authorities with the aim of mobilizing the population of the region for the restoration of the territorial economy after the German occupation of the region. The Party and the Soviet functionaries adequately assessed the real state of Karachai society, recognized the preservation of its former social institutions and consciously chose to rely on the archaic traditions, supported the archaic universals for more effective manipulation by the mass consciousness for the sake of labor mobilization of the broad sections of the population in the public interest.

The preservation of a significant part of the institutions of the former traditional Karachai society and

В первые месяцы 1943 г. после освобождения территории Карачаевской автономной области местные власти, представляющие партийные и советские структуры командно-административной системы, были заняты мобилизацией всех имеющихся средств для восстановления разрушенной экономики. За время оккупации с августа 1942 до конца января 1943 г. материально-производственная база области была значительно подорвана. Оккупанты разрушили промышленные предприятия, шахты, рудники. Сотни километров линий электропередач и телефонной связи были оборваны. Прекратили свою деятельность колхозы, совхозы и обслуживающие их машинно-тракторные станции, почти 80 % тракторного парка было выведено из строя. В целом, сумма ущерба превысила 3 млрд рублей. В условиях продолжавшейся войны, необходимо было восстановить жизнеобеспечение гражданского населения области и в кратчайшие сроки запустить все предприятия местной промышленности и промкооперации для выпуска продукции, необходимой фронту [3, с. 49].

Для восстановления объектов промышленности и сельского хозяйства необходимы были денежные средства. Правительство РСФСР выдало колхозам Карачая кредит на 25 млн рублей и 1500 пудов семян для весеннего сева [3, с. 49]. Кроме того, населению горных аулов были поставлены промышленные товары на несколько сотен тысяч рублей. Чтобы не допустить голода в феврале и начале весны 1943 г., правительство организовало безвозмездные поставки продовольствия для населения Ка-

рачая с территории Нагорного Карабаха. Колхозники и рабочие совхозов получили более 52 тонн пшеницы, около 8 тонн ячменя, 16 тонн проса, более 60 голов крупного и мелкого рогатого скота, а также картофель и другие продукты [3, с. 50–51].

Key words: state, population, labor mobilization, traditional institutions, totalitarianism, Cultural Revolution.

рачая с территории Нагорного Карабаха. Колхозники и рабочие совхозов получили более 52 тонн пшеницы, около 8 тонн ячменя, 16 тонн проса, более 60 голов крупного и мелкого рогатого скота, а также картофель и другие продукты [3, с. 50–51].

В ситуации острой нехватки рабочих рук и техники важно было «включить» такой ресурс как способность населения к самоорганизации. Наряду с многочисленными заседаниями, совещаниями, собраниями, планерками среди членов партии, комсомольцев и пионеров, Ставропольский крайком ВКП(б) спланировал и поручил райкомам и райисполкомам национальных территорий, одной из которых была и Карачаевская автономная область, организовать и провести такие мероприятия, как совещания стариков-колхозников и собрания женщин-горянок на родном национальном языке [2, л. 61, 69].

Целью таких совещаний была объявлена политическая и производственная активизация населения и мобилизация людей на выполнение очередных хозяйственно-политических задач в процессе ликвидации последствий немецко-фашистской оккупации. Сначала были проведены совещания стариков-колхозников по аулам. Так с 5 апреля по 10 апреля 1943 г. состоялись совещания стариков-колхозников в аулах Мало-Карачаевского района. В рамках совещаний, организованных Мало-Карачаевским райкомом ВКП(б) были проведены беседы о роли советского народа в победе над врагом и задачах Красной Армии на ближайшее время, а также были выбраны делегаты на районное совещание [2, л. 62].

В отчетной справке по итогам заявленной акции было указано, что в Мало-Карачаевском районе в таких совещаниях приняли участие 726 человек. Информация была подана в характерном для всех советско-партийных органов бравурном тоне, а результаты проведения были оценены позитивно. Отметив, что подобные совещания проводились впервые, партийные функционеры не сомневались, что участие в таких мероприятиях очень почетно для пожилых колхозников, ведь местные власти собирали совещания с целью получить совет у самых уважаемых, умудренных богатым жизненным опытом жителей каждого аула, а также с целью донести до аудитории насколько партия и правительство доверяют им, а также надеются на них. От их числа на совещание районного масштаба были избраны 75 человек [2, л. 61–62].

Одной из задач такого рода совещания было информирование населения по военным, политическим и хозяйственно-организационным вопросам. Степень информированности была особо важным критерием, так как, по мнению партработников, в процессе информирования они готовили население к возвращению к прежней жизни: к коллективному ведению хозяйства как ближайшей цели, к строительству коммунизма – как к конечной цели. Поэтому все до единого вопросы были посчитаны, строго записаны, систематизированы с целью определения лояльности населения власти.

Судя по статистике, участники конференций были весьма активны: всего на совещаниях выступило 92 человека, было задано 175 вопросов. Некоторые из вопросов даже были приведены в тексте отчета. Это были вопросы по поводу бывшего колхозного имущества, прежде всего, вопросы колхозников о том можно ли надеяться на компенсацию затрат тем из них, кто в условиях оккупации сумел сохранить взятый домой колхозный скот и теперь был готов его вернуть, а также будет ли труд таких колхозников оплачен [2, л. 63].

В отчетной справке сообщалось, что «старики на совещаниях выступали как государственные деятели, подвергая резкой критике недочеты в работе колхозов, аулсоветов, рассказывали о злодеяниях фашистских мерзавцев, о разграблении колхозного добра, зверствах, убийствах, учиненных гитлеровцами над мирными жителями аулов». И тут же делалось дополнение по поводу того, что, во-первых, колхозники были согласны с тем, что рабочий и молочно-товарный скот следует вновь свести на колхозные животноводческие фермы; во-вторых, они пере-

давали вождю народов и героической Красной Армии горячую благодарность за освобождение от немецко-фашистского ига и колхозный привет [2, л. 63–64].

Почти через две недели после проведения аульных совещаний 23 апреля 1943 г. было созвано районное совещание, в котором помимо 75 делегатов, избранных на аульных конференциях, приняли участие 14 советско-партийных функционеров. Идеальный тон совещания – «с большим подъемом на совещании было принято приветственное письмо на имя Иосифа Виссарионовича Сталина, при воспоминании имени которого все участники совещания, стоя, тепло приветствовали любимого вождя Маршала Советского Союза товарища Сталина», – а также его задачи – «быстрейшее восстановление народного хозяйства и усиление помощи Красной Армии» – остались прежними [2, л. 63–64].

Выступавшие старики клеймили фашистских оккупантов: «Мы убедились, что немцы способны были только разорять то, что мы годами создавали. Когда они хозяйничали у нас в ауле, они разграбили все колхозное добро, а местные полицейские и старшины им помогали в этом», «Фашистские захватчики обманули карачаевский народ, а для этого Гитлер прислал нам из Берлина Коран... Но им не мусульмане нужны, а богатство наше...», «Гитлеровцы разорили наше хозяйство, разграбили наше имущество» [2, л. 64–65].

Практически каждый выступающий заявлял о готовности не только поднимать разрушенное хозяйство, но и идти на фронт: «Не смотря на мою старость, я пойду вместе с сыновьями бить немцев», «У меня несколько сыновей в РККА, если надо и я пойду на помощь моим сыновьям бить фашистов». В своих выступлениях старики-колхозники брали на себя целый ряд социалистических обязательств, основным среди которых было обязательство «скорее ликвидировать последствия немецко-фашистской оккупации во всех областях народного хозяйства в аулах». Они говорили о своей готовности восстановить конкретные животноводческие фермы и о готовности руководить хозяйством, напоминали о том, что имеют значительный практический опыт [2, л. 63–65].

С 20 мая по 25 мая 1943 г. во всех аулах Мало-Карачаевского района прошли собрания женщин-горянок, а 28 мая для них было проведено районное собрание [2, л. 69]. Уже с начала Великой Отечественной войны женщины были основной рабочей силой повсеместно во всех сферах. На их плечи легли все тяготы как

на производстве, так и в домашнем хозяйстве. Партийная информация о проводимых собраниях среди женщин-горянок, подготовленная для первого секретаря Ставропольского крайисполкома ВКП(б) Михаила Суслова была составлена со свойственной идейной патетикой [2, л. 69–72].

Повестка проводимых собраний в целом повторяла пункты повестки совещаний стариков-колхозников, т.е. обсуждали проблемы скорейшей ликвидации последствий немецко-фашистской оккупации и оказания бесперебойной помощи фронту. Но так как собрания проводились накануне празднования 1 мая, то все присутствовавшие были проинформированы о содержании уже опубликованных первомайских призывов, а также заявлено об их обсуждении участниками собраний. Кроме того, повестка собрания женщин-горянок была расширена за счет таких вопросов, как «Почему не во всех колхозах организованы ясли и детские сады?», «Будут ли даны во временное пользование коровы многодетным семьям военнослужащих?», «Когда будет выпущен новый заем?» [2, л. 70–71].

В проведении аульных собраний женщин-горянок приняли участие 3078 человек. Они избрали 100 человек для участия в собрании районного масштаба, но участников следующей встречи было больше на 10 человек так же за счет представителей партийно-советских структур. В своих выступлениях женщины рассказывали о тех невзгодах и лишениях, которые выпали на их долю за время оккупации, о горьких потерях близких. Они выражали благодарность Красной Армии за освобождение от немецко-фашистских захватчиков и говорили: «ничего, что трудно, зато мы свободны». Каждая из выступающих обещала ударно трудиться, чтобы как можно быстрее восстановить хозяйство, помочь фронту, приблизить победу [2, л. 70–71].

Давая оценку активности участницам этих совещаний (на аульных собраниях выступило 87 женщин, а на районном – 62), секретарь Мало-Карачаевского райкома ВКП(б) уверял, что женщины-горянки «выступали как равноправные члены сельскохозяйственных артелей, несущие наравне с мужчинами полную ответственность за восстановление колхозного хозяйства, подвергая критике недостатки в работе правлений колхозов и отдельных руководителей» [2, л. 71–70].

По окончании совещаний районного уровня для стариков-участников секретарем Райкома ВКП(б) и председателем Райисполкома

был устроен прием с праздничным ужином, во время которого сделали общее фото [2, л. 65]. Совещание женщин-горянок завершилось вечером отдыха с играми, танцами просмотром художественного фильма и общим фото на память [2, л. 71–72].

В отчете подчеркивалось, что рабочий язык проводимых собраний был карачаевский. Для проведения совещаний были подобраны кадры из числа партийно-советского актива и учителей, для которых карачаевский язык был родным. Они включились в работу на стадии подготовки для того, чтобы организовать обратную связь непосредственно с населением [2, л. 69]. На районном совещании женщин-горянок выступление русскоговорящего секретаря райкома было переведено на карачаевский язык [2, л. 71].

Несомненно, сразу же возникает ряд вопросов по поводу того, что властные структуры решили использовать гендерно-возрастной подход в работе с населением, тем самым апеллируя к архаичным пластам общественного сознания. На последнем предвоенном съезде ВКП(б) в 1939 г., И. В. Сталин заявил о том, что культурная революция, которая ставила своей целью разрушение прежних социальных институтов и создание человека новой формации, успешно завершена [1, с. 22]. И вдруг через 4 года после этого местные власти иницируют методы работы, предполагающие архаичную дифференциацию населения и использование национального языка на официальных мероприятиях. Почему все это стало возможным в этот период?

Чтобы ответить на эти вопросы, следует напомнить о тех проектах, которые были реализованы советской властью в предвоенный период. В противовес прежнему государственному устройству, которое большевики характеризовали как «тюрьму народов», новая власть продекларировала национально-территориальный принцип создания федеративного государства. [5, с. 42]. Уже в течение 1918–1922 гг. так называемые малые народы, компактно проживавшие на изолированных территориях, получали в составе РСФСР автономию на республиканском или областном уровне. А создание СССР (30 декабря 1922 г.) стало импульсом не только для образования союзных республик, но и для разнообразия государственно-правовых форм: теперь в процессе реорганизации территорий с учетом этнического фактора создавались национальные округа, национальные районы. В условиях этого бурно развивавшегося процесса прежде созданная

Карачаево-Черкесская автономная область была разделена на два административных образования. Карачаевцы, как один из автохтонных народов Северо-Западного Кавказа, получили политическую автономию – Карачаевскую автономную область.

Так в рамках национально-государственного строительства в апреле 1926 г. на территории Северо-Западного Кавказа была образована Карачаевская автономная область. Административно территория области была поделена на 6 сельских районов – Микояновский, Преградненский, Зеленчукский, Мало-Карачаевский, Усть-Джегутинский, Учкуланский. До 1929 года на территории области не было городов: Кисловодск, где располагалась администрация Мало-Карачаевского района, в его состав не входил. Только в 1929 г. селение Георгиевское, за два года до этого переименованное в Микоян-Шахар, получило статус городского населенного пункта и стал административным центром Карачаевской автономной области [6, с. 22].

По результатам предвоенной переписи 1939 г. здесь проживало более 70 тыс. карачаевцев, т.е. через 13 лет создания автономии они составляли 46,8 % от общей численности населения области. Наряду с карачаевцами на этой административной территории проживали русские (64 596 чел, или 43 %), а также абазины (около 4 тыс. чел), осетины (свыше 3, 5 тыс. чел), а также украинцы (2 297 чел), кабардинцы (1154 чел.), ногайцы (713 чел.), греки (623 чел.) и черкесы (505 чел) [6, с. 22]. Несмотря на полиэтничный состав населения этого административно-правового образования в составе Северо-Кавказского края, «титულным» этносом стал карачаевский народ, что и предопределило название автономной области. Создание карачаевской государственности в форме автономии стало возможным пусть не в силу того, что карачаевская общность проживала на изолированной территории, а в результате того, что эта территория стала местом компактного проживания карачаевской общности.

Составной частью национально-государственного строительства было формирование «нового» человека, человека с обновленным сознанием, способным не только сохранить завоевания российской революции, но и осуществить мировую революцию. Стремясь реализовать эту цель, новая власть решительно расправлялась с социально-историческим наследием – прежними институтами. Грандиозный проект, именуемый культурной революцией, был задуман, прежде всего, для создания новых институциональных условий. Для этого

надо было разрушить прежние институты или, как минимум, начать процесс их деформации путем принудительного внедрения новых лозунгов, жесткого контроля процессов социализации и воспитания. Чтобы быстрее разрушить институты традиционного общества, власти пошли даже на физическое устранение носителей старой культуры, развернув массовые репрессии [1, с. 19–20].

Следующим вопросом, на который надо ответить, почему же случилось так, что значительная часть институтов прежнего традиционного карачаевского общества никуда не делась и продолжала определять социальный контекст повседневности карачаевцев? Прежде всего, по той причине, что антропологический тип бывает трудно разрушить, он может сохраняться и воспроизводиться в течение еще двух-трех последующих поколений, прежде чем будет окончательно разрушен. Каждое предыдущее поколение способно перебросить свой опыт и следующее поколение воспроизводит этот опыт, выстраивая и реализуя свои жизненные стратегии [7, с. 124–125]. Отчасти, сохранение прежних институциональных условий существования карачаевского народа вполне закономерно и легко объяснимо в рамках антропологической теории. Но в то же время сохранение традиционной культуры было обусловлено природой тоталитарной системы, сложившейся в течение первых после революционных десятилетий в стране.

Исследователь феномена российского тоталитаризма И. А. Семенихин отмечал, что российскому тоталитарному режиму были присущи такие черты, как «политическая однополярность, нетерпимость к альтернативным ценностям и культурным образцам, омассовленность политических субъектов, репрессивная направленность регулятивной политики и связь идеологического дискурса с архаичными пластами массовой культуры» [4, с. 29–30], а также «...был присущ пласт контрмодернистского сознания, апеллирующий к социальным параметрам традиционного общества» [4, с. 32]. Используя однажды фактор политической легитимации идеи народного суверенитета (в данном случае – создание Карачаевской автономной области), советский тоталитарный режим, наделенный «...пластом контрмодернистского сознания», то и дело апеллировал к социальным параметрам традиционного общества: «...соединял политические и экономические институты, отменял разделение публичной и частной жизни, ... объединял элитные функции политического и духовного руководства» [4, с. 33].

То, что в 1943 г. власти Карачая, обращаясь к населению, не стали собирать людей, исходя из их административно-территориальной (жителей одного аула или одного района) или профессиональной (всех колхозников, или всех служащих) принадлежности, а провели мероприятия с учетом сохранявшейся традиционной культуры, подтверждает, что советские чиновники и партийные функционеры адекватно оценивали реальное состояние карачаевского социума, признавали сохранение его прежних социальных институтов и были осведомлены об особенностях этнических традиций. Т.е. политические силы сознательно выбрали опору на архаичные традиции, поддержали архаичные универсалии, несмотря на то, что доктрина формирования «нового человека» ни в одном

из своих вариантов не одобряла примат этнической идентичности и сохранение институтов традиционного общества. Но чтобы манипулирование массовым сознанием ради трудовой мобилизации широких слоев населения в интересах советского государства было предельно успешным, власти отступились от чистоты институционального контекста, которую так энергично отстаивали накануне Великой Отечественной войны. Теперь в первой половине 1943 г. институциональный контекст мог быть «миксованным», допускал существование стариков с опытом государственного уровня (традиция почитания пожилых людей и признания ценности их жизненного опыта, институт аскальства или совет старейшин) и свободных равноправных женщин-горянок.

Источники и литература

1. Время, вперед! Культурная политика в СССР / под ред. И. В. Глущенко, В. А. Куренного; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2013. 272 с.
2. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (ГАНИСК). Ф.1. Ставропольский крайком КПСС. Оп.2. Д.566.
3. Карачаево-Черкесская автономная область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Материалы областной научно-теоретической конференции, 1977 год. Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1982. 89 с.
4. Семенихин И. А. Российский тоталитаризм: социально-философский анализ: автореф. дисс. ... канд. философ. наук. Ростов-на-Дону, 2005. 30 с.
5. Сухова О. А. Строительство нации в СССР в 1920-е гг.: утопия или эффективная модель социальной инженерии? // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2015. №1 (33). С. 35–45.
6. Численность населения СССР на 17 января 1939: по районам, районным центрам, городам, рабочим поселкам и крупным сельским населенным пунктам. М.: Госпланиздат, 1941. 266 с.
7. Berger Peter L., Luckmann T. The Social Construction of Reality: A Treatise of Sociology Knowledge. London: Published by the Punguin Group, 1967. 249 с.

References

1. Vremya, vpered! Kul'turnaya politika v SSSR (*Time, go! Cultural Policy in the USSR*) / ed. by I.V. Glushchenko, V.A. Kurenno Moscow: High economic school publ., 2013. 272 p. (In Russian).
2. State archive of contemporary history of Stavropol Territory (GANISK).F.1. Stavropol'skii kraikom KPSS. In.2. D.566. (In Russian).
3. Karachaevo-Cherkesskaya avtonomnaya oblast' v gody Vliiko Otechestvennoi voiny (1941–1945 gg.) (*Karachay-Cherkess Autonomous Region during the Great Patriotic War (1941–1945)*) // Materialy oblastnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii 1977 god. Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe otdelenie Stavropol'skogo knizhnogo izdatel'stva, 1982. 89 p. (In Russian).
4. Semnikhin I. A. Rossiiskii totalitarizm: sotsial'no-filosofskii analizy (*Russian totalitarianism: socio-philosophical analysis*): abstract of thesis. Rostov-on-Don, 2005. 30 p. (In Russian).
5. Sukhova O. A. Stroitel'stvo natsii v SSSR v 1920-e gg.: utopiya ili effektivnaya model' sotsial'noi inzhenerii? (*Constructing a nation in the USSR in the 1920s: a utopia or an effective model of social engineering?*) // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniyay. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki. 2015. No. 1(33). P. 35–45. (In Russian).
6. Chislennost' naseleniya SSSR na 17 yanvarya 1939: po raionam, raionnym tsentram, gorodam, rabochim poselkam i krupnym sel'skim naselennym punktam. (*The population of the USSR on January 17, 1939: in districts, district centers, cities, workers' settlements and large rural settlements*). Moscow: Gosplanizdat, 1941. 266 p. (In Russian).
7. Berger Peter L., Luckmann T. The Social Construction of Reality: A Treatise of Sociology Knowledge. London: Published by the Penguin Group, 1967. 249 p.